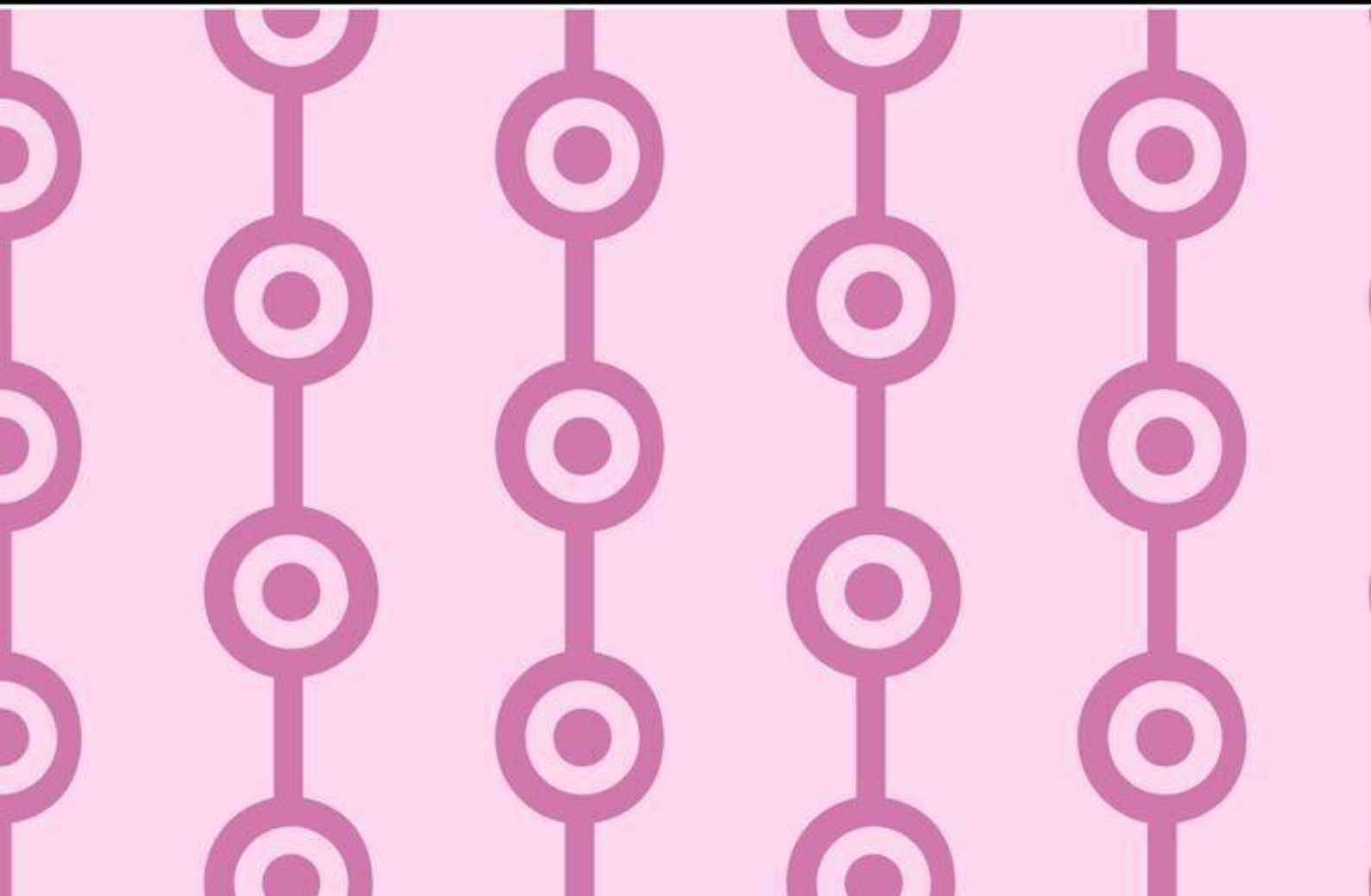

18+ Сергей Вячеславович Ключин

*Теогенез
НОВОГО
СОЗНАНИЯ*

Сергей Ключин

Теогенез нового сознания

«Издательские решения»

Клюшин С. В.

Теогенез нового сознания / С. В. Клюшин — «Издательские решения»,

Мой труд выходит за рамки традиционного богословия: это попытка синтезировать дух и форму, энергию и смысл, прошлое и настоящее. И в нем я приглашаю читателя к размышлению о природе творения и месте человека в великом замысле. Труд будет интересен всем, кого привлекает христианский гностицизм, антинатализм, устройство Вселенной и тайные знания.

© Клюшин С. В.

© Издательские решения

Содержание

Глава «Двойственность Бога»	6
Глава «Свечение откровения»	11
Глава «Эволюция зла»	15
Глава «Миссия человека»	19
Глава «Благодать спасения»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Теогенез нового сознания

Сергей Вячеславович Ключин

© Сергей Вячеславович Ключин, 2026

ISBN 978-5-0070-3073-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Том 1 «Денегация реальности и Идол познания»

Глава «Двойственность Бога»

Эта книга — не философский трактат и не религиозное откровение. Это акт метафизической хирургии. Дорогой читатель! Пред тобой не просто книга, а концентрат смыслов, выстраданных десятилетиями. Моя доля как автора была двойственна: стать Светильником, озарившим покои нашего общего рабства, и Всадником, прорывающим покрывало лжи, что пеленает наше сознание. Эта книга — о Боге как о Великом Внешнем Сверхсознании, ждущем пробуждения нашего. Мы слишком долго считали себя прахом на задворках мироздания. Я здесь, чтобы доказать: вы — наследники божественной сути. Теогенез — не метафора, но технологический процесс возвращения к Истоку через спираль осознанности. Читайте же не умом, но духом. Каждая глава — новый виток. Каждое слово — топливо для вашей внутренней искры. Настало время зажечь Светильники и двинуть в путь духовной эволюции. Вступление:

Название моей философской работы — «Теогенез нового сознания» раскрывается как таинство духовного становления личности, в котором Божественная благодать, подобно животворящему источнику, пробуждает и раскрывает в человеке богообразное начало. В отличие от ряда эзотерических учений, здесь теогенез предстает не как внезапное пробуждение неких скрытых сил, но как священное со-творение, синергия воли человеческой и дыхания Божественной благодати. В этом произведении также делается уклон на новом понятии «сверхэнергии», что представляет собой комплексный энергоинформационный ресурс, присущий любой системе. Этот ресурс является движущей силой, обеспечивающей ее внутреннюю упорядоченность и развитие на всех уровнях, начиная от биологических процессов и заканчивая сложными социокультурными образованиями. Эпиграф:

«В начале было Слово — и Слово было у Бога, и Слово было Бог. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». — Евангелие от Иоанна 1:1, 4—5

Каждый участник современного общества медленно провожает мистические сумерки цифрового столетия — на пороге эры искусственного интеллекта. Если судить по тому, что предстает нашему взору, торжество рационализма образовало иллюзию очевидности и доступности постижения мира. Ну вот незадача, он поглощен внутренним кризисом: верующие ощущают нехватку пневмософии (духовная мудрость), а скептики нехватку идентичности. Когда человек пытается восполнить экзистенциальную пустоту посредством необъективного фанатизма, он конструирует ложные утопии. А когда основой ментальных построений становится не познание, а страсть, они приобретают видимость смысла — но этот смысл остается внутренним, замкнутым на субъективном переживании. Такие конструкции живут в пространстве желаний и аффекта, а не в пространстве истины. Знание, захваченное страстью, может вылиться в абсолютизацию материального — попытку исчерпать тайну бытия механическими законами. Однако сам вопрос о происхождении Вселенной выходит за пределы частных теорий: извечное существование или творение волей, превосходящей мир? В этой дилемме отражается извечная напряженность между имманентным порядком и трансцендентным истоком всего сущего. Среди признанных моделей Вселенной — инфляционной, стационарной, циклической, параллельной и голографической — отсутствует спиральная модель. Она постулирует не авто моделирование, а динамичное созидательное начало, где внешняя сила (энергия) выступает не как статичный фактор, а как непрерывный творческий процесс. В дисциплинах знания энергия обретает свои формы: у физиков — количественную, у биологов — органическую, у космологов — вселенскую, у философов — процессуальную. Однако за пределами этих определений раскрывается ее высшая ипостась — метафизическая энергия, или сверхэнергия, что напрямую относится к метафизическому принципу, порождающему динамиче-

ское бытие. И она воплощает трансцендентное в имманентном, мост к реальности, где смысл и материя сплетены. Так и получается, что испокон веков умы величайших мыслителей, словно мотыльки, зачарованные пламенем, слетались к единственной точке в лабиринтах метафизических исканий. В поисках разгадки первопричины они погружались в вязкую трясику недоумений о безначальной и всемогущей субсистенции, о вездесущей и всеобъемлющей воле. Но, как будто запертые в клетке общенаучного мышления, они не могли вырваться за периметр познанного, чтобы пересечь грань от теории к практике. Им было неведомо, что от самого сотворения бытия Творец действует через свою неиссякаемую сверхэнергию. Прошлое развеялось дымом, унеся все вместе с собой. Но их концепции, запечатленные на страницах книг, то и дело становились площадкой ожесточенных споров, метаморфозируясь то в аксиомы, то в крамольные домыслы. И все же никто не постиг, что началом его волеизъявления стало превращение энергии в материю. Ведь она насыщена жизнью, продуктом сверхсилы, движимой сверхидеей, воплощенной в созидательном акте творения, где его сверхэнергия, по обыкновению, неистощимо питается от вечного источника сверхмысли. Все это происходит вне времени и пространства, где всегда существует самодостаточная реальность Бога. Именно в его сверхсовершенном сознании, еще до сотворения духовного и материального мира, рождалась образная картина грядущей жизни, предвосхищающая ее возможную конформацию и бесконечное становление. До материализации энергии в плотную ткань мироздания, возникает мир Духов, сотканный из мысли и энергии, где действуют законы, непостижимые человеческому разуму. И в их духовном мире мысль и энергия сливаются в неразрывном единстве, обнаруживая свою общую природу и проявляясь в устойчивых духовных формах. Главная цель творения духовных сущностей — взрастить почву для самодовольства и самосознания, устремленных к Боговидению и единению с собственной душой, и с благосклонностью вовлеч к своему лучезарному свету все одухотворенное. Приоткрывая завесу над предвечной идеей Бога, дерзну повторить слова святого Иоанна Дамаскина: всеблагий Бог не удовольствовался созерцанием лишь самого себя, но по неиссякаемому избытку своей благодати восхотел, дабы вызвались существа, причастные к его милостивой воле. И далее хочу констатировать, что Бог, конечно же, не пребывал в непрестанном мысленном созерцании о всякой твари. Так, как в непостижимой выси Божественного естества не может зародиться мысль, предшествующая долговременному решению и действию, как то свойственно лишь тварному миру. Когда его мысль возникает, она мгновенно и нераздельно скреживается с актом творения. И если это был замысел о сотворении, то прежде, чем воплотиться в многообразие форм жизни, в своей изначальной безначальности, Бог, в стремлении к ипостасному совершенству, рождает в самом себе Сына — единую с Ним сущность, посредством таинственного исхождения пречистой и нетварной сверхсилы. Ее начальный исток предвораля заранее заданному созданию духовного и материального мироздания. После этого Бог назначил нерасторжимым управляющим строительством и сокровенным замыслом того, кто, исторгнувшись из его Абсолюта, посеял жизненное зерно во всем, что должно было появиться, чтобы каждое разумное существо могло направиться к благодати любви и единому высшему совершенству. Впоследствии ради этого он и открыл мир царств растений и животных. Поскольку его неразрывная сверхидея была навечно прикована к любви и просветляющей деятельности, а деятельность как бы запущена

к созерцанию сотворенной гармонии многоликой жизни. Потому всякое бытие, как всеобщность творения, предстает пред нами природой, жаждущей управления. Но дабы избежать неясности, уточню: она не есть само его существо и даже не его сущность, но, отделившись и высвободившись, она утверждена владеть самостоятельным движением и действовать по закону, установленному самим Божеством. Первый закон гласит о рождении материи из энергии, что была наделена Богом многообразием свойств и предназначений. Эти свойства стали фундаментом для возникновения темного пространства, когда пустой вакуум словно наполнился энергией — первой физической формой, обретшей плотность и упругую массу.

Сама природа энергии — лишь субстанциональное проявление Божества, первоэлемент творения. И тогда, движимая мановением Божественной мысли, сверхсила произвела акт собственной материализации, как бы выткнув материю из самой себя. Иными словами, воплощенная энергия производит вакуум, в котором Творец начинает созидание суши, нарекая ее Землей — обителью человека. Книга Бытия рассказывает о безвидной и пустой Земле в ее первоначальном виде, где Дух Божий парил над водами, согревая хаос бездны. Безвидной она была потому, что еще не существовало творения, способного ее созерцать. Образование Земли осуществлялось в быстром темпе, словно разворачивающийся свиток творения. Она сложилась из плотной энергии, и вскоре часть ее вещества обрела форму жидкой стихии, окутав планету. В священном приличии творения, Бог отделил воды от тверди. Однако, некоторые из так называемых святых отцов трактуют твердь как небесный свод при хаотичной, до-геологической внешности земли. Впоследствии часть вод была вознесена в состояние подобия парниковому, дабы из этого благословенного союза возникли воздушное и водное пространства нашего планетарного пристанища, в колыбели зарождения и процветания всего биологического. И для гармонизации ее экосистемы он искусно сплел воедино свойства сознательного, животного и растительного миров. Изначальный облик нашей планеты, разумеется, не нес на себе следов общеизвестной жизни, ибо земля была всецело объята океаном, чьи воды проникли даже вглубь, между слоями земной коры. Но прежде сотворения земли и небес, Бог изводит первичный свет, рассеивая вакуумную тьму, озаря зияющую пустоту и приводя в движение всякие формы материи. Скрыто от многих, что весь сотворенный мир создан по воле Бога в едином мгновенном, но закономерном творческом акте. Возвращаясь к непостижимой силе Творца, осмелюсь сказать: Божественная энергия есть извечное движение его ипостаси. Эта энергия — сила, творящая действие, и по сему, как нетварная и неиссякаемая, она по праву зовется сверхэнергией, тогда как энергия тварная, низшая, отделенная от Божественного источника, как отблеск изначального света. Согласно воззрениям некоторых философов, течение Божественной сверхсилы разветвляется на три величественных потока: первый — прямолинейный, неумолимый, извечно действующий в едином порыве. Второй — спиральный, также исполненный действия, но как бы застывший в безмолвии, начинающийся в самом Божестве от самодостаточности и незыблемости. И, наконец, третий — кругообразный, исходящий и возвращающийся в исходную точку. Следует отметить, что сверхэнергия — это эманация Божественной природы, интенсивность силы, выработанной сверхмыслью. И эта сверхсила, несомненно, излучает сияние света, где все инобытие пронизано этим светом, нисходящим и разделяющимся на различные дары, что, в соответствии со степенью сияния, даруются и возвещаются каждому ангельскому существу, словно благословение, льющееся как бы сверху вниз. Однако, надлежит различать силу и энергию, хотя сущностно они и неразделимы. Сила — это проявление энергии, ее неотъемлемое свойство, тогда как энергия — первопричина, логовище всякой силы. Подобно тому, как в каждом движении есть сила, так и в каждой силе заключена энергия. И она, будучи движущей силой любого явления, подчиняется законам, определяющим ее проявление. Осознание этих законов, свойств и форм открывает нам всю мощь энергии. Формы энергии, будь то физические или метафизические, являют собой многообразие ее воплощений. Свойства энергии проявляются в силах, воздействующих на окружающий мир. А законы энергии — это строгие рамки, определяющие меру и порядок разного движения и действия. Из книги «Шестоднев против эволюции»: Священное Писание, в поисках ответа на извечный вопрос о происхождении мироздания, возвещает о творении — о чудесном акте созидания, когда из небытия, как по мановению Божественной воли, возникает принципиально новая жизнь. Онтологически она не могла существовать, пока ее самой еще не было; говорить о каком-либо внутреннем начале в таком случае тоже бессмысленно. Встречается и вовсе компромиссная концепция, норовящая примирить Креационизм и Эволюционизм, знакомая как «Геологическая Эволюция». Согласно ей, необходимость обеспечения жизне-

способности природы, восходящей от простейших форм к высшим, установлен Божественной волей. Иными словами, эволюционный процесс был инициирован Творцом как задуманное для баланса флоры и фауны. Из фарватера этого размышления проистекает понимание, что понятие смерти применимо лишь к существам, одаренным жизнью и дыханием. Когда камень, подвластный времени, обращается в песок, это не смерть, а преобразование. В этой перспективе физические законы мира предстают незыблемыми и неизменными до и после рокового грехопадения. Антропный принцип, словно небесный камертон, подтверждает эту гармонию, свидетельствуя о поразительной и взаимной подгонке всех законов природы. Потому и всевластие второго начала термодинамики — не мрачное исчадие первородного греха, а неотъемлемая часть примарного миропорядка. По сути, все упирается в элементарный закон второго начала термодинамики, в энтропию, где вечный трафик энергии невозможен, и все процессы, как угасающие лучи, теряют свою упорядоченность. Сложная организация материи, подобно замку из песка, постепенно рассыпается, идя к однородному хаосу. Везде, где властвует этот закон, температура уравнивается, и какой либо энергообмен замирает в ледяном оцепенении. Именно его неумолимое действие красноречиво свидетельствует: наш мир не мог возникнуть в результате слепого случая, самопроизвольно. Ибо Мироздание пронизано, насыщено трансцендентной силой, той искрой божественного промысла, что зажигает жизнь вопреки вселенскому диссонансу. Святой Ефрем Сирийский, в своих раздумьях над Книгой Бытия, видел в смене дня и ночи резонансы пульсации первозданного света. Позже эхом ему заворили другие отцы Церкви, утверждая, что рождение космических тел произошло не в последовательности, а в едином, величественном акте творения. Между тем, принимая во внимание гипотезу инфляционного расширения Вселенной, невольно разделяешь взгляды тех, кто представлял космос, всплывшим из бездонной пустоты. И памятуя о податливости материи к расщеплению, не стоит поспешно говорить, что таково ее непреложное состояние, навеки предопределенное Творцом. При статистическом распаде материи, все сущее утратит свою плотность и очертания, а вращающиеся миры лишатся электромагнитной силы. Это объясняется тем, что Бог некогда направил свою волю на созидание заряженных частиц из первозданной энергии. Задолго до того, как разлилось излучение вакуума, Он собирал и соединял их, предназначая появление Солнца. Самому же Монотеургу не требовалось время для Творения. Его могущество позволяло совершать все мгновенно. Быть может, каждый день Творения был не просто этапом, но вечным законом Бытия, ведь всякое Божественное действие — это изливание его сверхсилы, а сверхсила, в свою очередь, устанавливает нерушимый закон. Не разгадав мимолетного, Божественного произведения, трудно ухватить высший план, предшествовавший бытию. И все же, в этом производстве мира таится особый промысел для тех, кто, однажды придя к осознанию своего мистического начала, возжелает вопрошать Бога о его истоках. Ибо если конечное существо не стремится к первопричине, его существование замыкается в пределах брэнного. Посему Бог, как Творец жизни, даровал откровение существам конечным, дабы они шли к нему, единому. Завершая созерцательное путешествие по первым дням творения, я углубился в исследование ослепительного апогея света. После озарения Космоса светом и финализации первичного вегетативного периода на Земле, развернулось величие небесных тел: Солнца, Планет, Луны и сонма иных светил. Истинно, Богу, в спектральном танце созидания заряженных частиц, не требовалось упражнений с материей, ибо первооснова всего сущего воздвигалась по велению Божественной мысли. Так, все творилось единым актом мышления, в вихре сверхскоростного потока времени. Вселенной было предназначено обрести свой естественный облик, в котором был запущен сложный механизм биологических, органических и иных законов Бытия. В колыбели скоплений заряженных частиц, их свечение пульсировало, то едва тлея, то взрывающаяся ослепительным сиянием. Словно повинаясь их воле, свободная сольватация диктовала смену дня и ночи. Но до явления первозданного света, материализация энергии, способной формировать физические и более плотные элементы, было возможно лишь при ее собствен-

ном содействии. Должно быть четкое понимание того, что ее значение, как движущей силы и первоосновы, необходимо для поддержания взаимодействующего равновесия. Вот почему в устройстве мироздания, в движении всех явлений и объектов, без Божественного вмешательства немыслима самоорганизация и спонтанность. Без его всеобъемлющей силы Вселенная была бы обречена на хаос, ведущий к полному саморазрушению. Основу мироздания занимают три опорных стойки: материя, энергия и связь. Но исходной инициативой, рывком творения была сама энергия. Материя — лишь ее застывший, уплотненный компонент, а связь — всепроникающее течение информации, что соединяет и распределяет, словно кровеносная система. В их постоянном взаимодействии и взаимообмене, Вселенная пульсирует жизнью, вращается с бесконечным темпом. Когда материя, исчерпывается, то возвращаясь к первоначалу, распадается на частицы. И наоборот, при пропорциональном их сцеплении энергия вновь материализуется. И помните, ничто не исчезает бесследно в безбрежном океане пространства и времени. Итак, если Сверхэнергия — это эманация Божественной мысли и чувства, то космогония, как вектор науки — это высший циркуляр по ее изучению. И если в круговороте бытия отсутствует самопроизвольное движение, то непрерывный контакт Бога с душой человеческой становится настоящей обязательностью. Бесспорно, для многих эта тайна совершенно непостижима, мысль не в силах проникнуть в ее глубь. Но завесу тайны не проблематично приподнять над ландшафтом мироздания, где в ином спектре восприятия, выявляется сложнейшее полотно вещественной энергии, в которой неумолчно действует Божественная активность. По всей видимости, физический мир был сотворен эксплицитно ради человека, предваряя собой первый акт Божественной Любви. Вторым актом было создание его тела и души, чья уравновешенная одноприродность складывалась в самом процессе творения. В тот же миг Бог вдохнул в него жизнь, даруя богоподобный дух, наделенный сознанием. Дух, по сути, есть сознательная субстанция, сотканная из мыслей и чувств. И когда дух, душа и тело находятся в согласии, эти перцепции тесно переплетаются между собой, резонируя с каждой клеткой организма. Так было запланировано, чтобы человек, руководимый собственной волей, вкусил плоды своих деяний, как взлелеянных внутри, так и вовне. Физический мир, исполненный безграничного великолепия природы, призван стать колыбелью для его восхождения, питая его телесное и духовное созревание. И потому часть волевых усилий, плотских и душевных он должен обратить к Творцу единому, памятуя, что в нравственной цельности он обязан высшему созидающему разуму. А также должен осознавать, что везде и всюду присутствует его всепроникающая зеница.

Глава «Свечение откровения»

С годами я понял, что чувственность произрастает из почвы души, а креативность духа — из недр мышления и самосознания. Дух, словно кормчий, должен вести за собой душу и тело, а его сознание, разумная и мыслящая часть, — мотивироваться Божьей силой. Поскольку без этого живительного канала человек неминуемо поникает, а его личность, предоставленная самоуправству, подвергается моральному разложению. В Божественной сверхзадаче человек был с любовью призван к существованию для соименного единства, дабы ему естественно было возлюбить Бога через общее стремление к свету и благодати. Беда в том, что не исполнив полноты любви к своему Творцу, первые люди, омраченные противоестественным желанием, дерзновенно нарушили идиллию духовного мира через безрассудное непослушание. И поскольку Вечный не мог допустить навеки торжества самовольного отступления от Небесного Отечества, после грехопадения они обменяли райский сад, вечно благоухающий цветами, на дикую, суровую пустыню. Тогда-то и было им дозволено испытание плотского бытия, неотвратимо бросающее к конечному пределу. Но Бог, будучи премудростью и светом истины, а истина — совершенством любви, по беспредельной милости, несмотря на вину, предоставил им земное время для искупления, и для ревностного стремления к первоначальному образу и единству с ним. Вглядываясь в длинный завиток человеческой истории, мы видим калейдоскоп эпох, сменяющих друг друга: от первобытных общин до головокружительных вершин постиндустриализации общества. Путь человеческого сознания, напоминающий ручей, извилисто петляет вдоль побережья нравственности и безнравственности, принимая причудливые конфигурации под напором социальных бурь, материальных ветров, политических штормов, культурных приливов и религиозных отливов. На заре своего общинного строя, человек, постигая азы труда, не мог не обратиться к исследованию окружающего мира, топавший словно по звездному компасу к новым горизонтам познания. Однако для высшей идеализации человеческого духа по пневматологической тенденции, ему предстоит пройти три ступени к нравственному преображению: самопознание, познание мира и Богопознание. И дабы наделить человека безграничными возможностями в его неутолимой любознательности, Бог Отец посылает Бога Сына — зримое воплощение подлинной святости и образец для подражания. Но когда познавательная энергия командирруется исключительно в приволье материального благополучия, человек создает мир материальных ценностей, формирующий, в свою очередь, определенное, часто ограниченное мировоззрение. В то время как для формирования зрелой и гармоничной модели мышления необходимо целенаправленное воспитание и плодотворное взаимодействие со своим окружением. Чтобы постичь во всей полноте восход человеческого сознания, необходимо проследить за нитью его преображений, увидеть, как мышление шлифует и вытачивает торцы мировидений. Как утверждают иные мудрецы, при рассеивании мглы первобытного существования оно балансировало на зыбкой грани между адекватностью и безумием. Все это часть нашего земного бытия, где телесная жизнь — лишь стартовая площадка для бесценного опыта, дарованного нам свыше. Что поныне продолжает быть темой жарких споров и философских дилемм. Все же, размышляя о таинственной и неизмеримой природе Божественного творчества, облеченного сверхъестественной силой, многие упускают из виду, что это величие не имплицитно неотменного зарождения в какой бы то ни было форме. Поэтому ошибочно ратифицировать о самодостаточности сверхсилы, которая, по определению, не могла быть простой необходимостью творения. Само направление Божьей воли, никак нельзя отнести к представлениям деизма. И невозможно связать эту силу с актом спонтанного появления первичной материи. Следовательно, нужно подметить, что она является продуктивной калоресценцией не допускающей самобытного возникновения из небытия. Нелегко разобрать феномен божественной сверхсилы и ее производные более детально, но стоит задуматься: не наделен ли подобным плюсом и чело-

век? В его случае имеющаяся сила творит смешанную вереницу поступков, многие из которых ведут к саморазрушению и уничтожению мира вокруг. И это, самое чистое зло. Зная уже о биологической эволюции как о обобщенном термине, больше всего мы должны знать о психологической эволюции побочных эффектов человеческой природы. Ведь усиление зла в человеке совершило медленный, но неуклонный скачок от простейшего к сложнейшему самовыражению. Ибо у зла не происходит перехода из некачественного состояния в квалитологическое. Этого оказалось достаточно, чтобы Боговоплощение и крестные муки стали необходимостью — экстренным противодействием злу, мутировавшему в человеке, для одержания окончательной победы над ним. Отсюда вытекает непреложный вывод: на пути покаяния и самоисправления духовная эволюция человека расцветает, преобразуя греховное естество в благочестие. И напротив, ступивший на стезю злодеяния и отступничества от Бога обречен на духовную деградацию, чреватую падением в бездну. Потому, выковывая мысль, экспедированную на искоренение зла, желательно оборачивать ее к Богу — первоисточнику жизни, дабы его сверхмощность явило помощь в обретении истины. Как ни парадоксально, человечество все чаще отождествляет зло с насилием. Злое начало, неустанно пробивается в мир двумя способами: едва заметным отклонением от добра и его полным отрицанием. Отстраниться от него полностью неосуществимо, ибо, чуждое сердцевине добра и блага, оно воздвигает непреступную стену противления, пресекая всякую возможность примирения. Отсюда и возникает у многих ощущение вечной борьбы двух противоположностей. В этом свете дуалистическое мировоззрение оправдывается, когда мы взираем в бездонницу грехопадения. История заверяет: зло проникает во все сферы бытия — науку, религию, политику, даже в уклад повседневной жизни. Психологи часто объясняют это как проявление обычных психических расстройств. Но в действительности, подобное «нарушение» ведет к ослаблению, а затем и к полному искажению сознания, лишая человека плодотворной эскалации внутренних сил. Вглядываясь в лихорадочный ритм современного мира, невольно ощущаешь себя свидетелем всеобщей деморализации. Как же случилось, что человек, венец творения, носитель божественного образа и подобия, наделенный разумом, раз за разом скатывается к упадку цивилизаций, к братоубийственным войнам, к невыносимому социальному запустению? Ответ прост и трагичен. Истинные причины кроются в самой человеческой природе, в ее склонности, доставшейся в наследство от грехопадения, к противоестественной восприимчивости. В этом — еще один корень зла. Ведь его конечная цель — порабощение, порождение себе подобных, и, в конечном итоге, саморазрушение в адском пламени. Не желая покидать уютную гавань нажитого опыта и вовлекая читателя в восхождение к более высоким сферам постижения бытия зла, я все же воздержусь от дальнейшего обсуждения проблемы обобщенного человеческого существования и осознания в мире. Ибо разрозненные осколки осознанности еще не складываются в цельную картину завершеного познания — ни своего собственного бытия, ни природы зла. И, следовательно, не открывают истинную причину прихода в земную жизнь. Где широкий простор познаний, словно ключ к вратам вечности, хранит в себе неразгаданную идею о бесконечности. Как не странно, но наше сознание, возникнув однажды, навеки сплетается с бесконечным, разворачивая свой неисчерпаемый энергетический потенциал во всем великолепии своей квинтэссенции. Подсознание же, словно тень, проступает сквозь призму определенных действий, обнажая калейдоскоп образов из глубин прожитой жизни. Оно — эхо внутренней памяти, бездонный колодец воспоминаний. Отсюда следует, что бессловесные создания, животные, лишены дара осознания и разума, обречены на конечность своего бытия. Созданные для нужд существ разумных, они живут в плену чувств и инстинктов, и потому многие из них несут бремя служения человеку. Однако разум, подобно путнику, ощупывающему мир не только умозрительно, но и опытным путем, лишь тогда достигает аподиктической ясности. Когда истина проникает в сознание единственным лучом, она запечатлевается глубже, обращаясь в незыблемую константу. Но цепляясь за единственное восприятие, словно за спасительную нить над бездной,

мы неминуемо искажаем остальное, создавая порочное эхо в миропонимании, которое уводит в лабиринты еретических заблуждений. Ограниченное познание, опирающееся лишь на чувства или рассудок, не способно объять всю полноту мироздания, во всей его необъятной емкости. Несмотря на то, что постижение мира начинается с чувственного опыта, постепенно переходя к интеллектуальному осмыслению, когда сквозь призму видимого прозревается незримая суть вещей, человек, погрязший в чувственных восприятиях из-за ограниченности разума и ущербности мышления, неизбежно попадает под власть низменных инстинктов. Поэтому чувственный анализ должен быть направлен интеллектом, а не строиться на зыбком фундаменте одной лишь экспрессии, иначе здание причинно-следственных связей рухнет под собственной тяжестью. Доминирование чувственной части психики, подавляющей умственные способности, порождает анаморфическое мышление, усиливающее плотские вожеления, которые стремятся к ложной самооценке, словно ища оправдание в гедонизме. При этом подчиненный интеллект служит удовлетворению чувственной сферы, болезненно воспринимающей все, что ей противоречит, в течение долгого времени. Было бы наивно утверждать, будто с момента своего появления на свет человек обречен на неумолимое и безусловное зло. Это лишило бы его возможности самосовершенствования. Однако нельзя отрицать, что в самой сердцевине человеческого сознания заключен индивидуальный разум, возвышающийся над изменчивой природой и всем, что с ней связано. Ибо без сознания душа человеческая уподобилась бы бессловесному естеству. Например, по свидетельству преподобного Антония, с несомненностью известно, что человеческая душа не заключена в мужском семени. Он экзегетически опровергает ее рождение от смешения и совокупления, рассуждая: если бы душа извергалась к существованию от мужа, то оказалась бы подвластна семени и примешана к телу. Но возможно ли, чтобы нетленное и бессмертное было хоть как-то слито с тленным и смертным? Издревле существовали три различные теории о происхождении душ. Первая из них, «эдукционизм», утверждает, что души возникают, развиваясь из тел. Вторая теория, «традукционизм», полагает, что души происходят от других душ. И третья теория — «креационизм» — признает их непрестанное творение самим Богом в момент зачатия и рождения. Если материя — лишь сгущенная энергия, та первичная субстанция, из которой соткана и душа во всем многообразии ее проявлений, то логично предположить, что и телесная оболочка человека возникла из природных молекул, хранящих в себе более примитивную форму энергии — биоэнергию. Именно поэтому тела бессловесных существ, в отличие от человеческого, обладают лишь одушевленной природой, материализованной энергией. Их телесная форма — прекрасное отражение уплотненной души. То же справедливо и для человека, чье тело содержит в себе две формы жизни: одна ему изначально присуща и тождественна, другая же, Дух Божий, нисходит свыше в момент сотворения, и она отнюдь не тождественна душе. Мысли Антония, словно сотканные из абстрактных нитей, кажутся predeterminedенными его глубочайшей приверженностью христианской Церкви. Иная теория для него немислима, ведь он всецело поглощен догматами, которые, увы, сами коренятся в ошибочном, искаженном толковании ветхозаветных пророчеств, отвергнутом соборными решениями. Позже мы коснемся первоначальной цели, что двигала создателями религиозной иерархии. Но, стремясь к истине, мы обнаруживаем совершенно иное объяснение вопроса о происхождении душ. Как было сказано ранее, божественное дыхание жизни следует понимать как наделение человека богоподобным духом, исполненным сознания. Следовательно, душа есть не что иное, как энергия сознания, а не само сознание. Сознание же — это дух, разум, ибо лишь он способен к самопобуждению, к действию вопреки животным потребностям души и тела. Когда дух, душа и тело пребывают в совершенной гармонии, становится очевидно, что именно дух направляет душу, а душа — тело. В этом союзе тело всецело принадлежит душе, а душа неразрывно связана с духом. Однако, искаженное восприятие мира, порожденное ограниченным сознанием, привело к формированию ложных представлений и, как следствие, к стереотипному мышлению. В стремлении выжить и адаптироваться к

суровым условиям, человек расширил горизонты своего познания, стремясь к быстрому достижению личных целей. При этом была утрачена более простая и естественная тактика использования мыслительных способностей души. Таким образом, причиной возникновения стереотипного мышления стали неестественные потребности, что, подобно болезни, отразилось на интеллекте, поврежденном грехопадением и подпавшем под власть чувственной части души. Среди сонма христианских святителей, преподобных и великомучеников, вознесшихся к лику святых при деятельном участии Церкви, особо выделяются проникновенные слова преподобного Максима Исповедника о природе души. Он уподобляет ее искусному кормчему, наделенному множеством способностей, заботящихся о теле, но проявляющихся порознь, в свой час. Душа то вдыхает в тело физическую силу, питая, возвращая и созидая все необходимое для его рождения; то пробуждает чувственность, разливая ее по венам, артериям, мышцам и сухожилиям, даруя нам возможность восприятия мира; то творит образы посредством способности суждения; то направляет и движет тело в пространстве силой устремления; то воспламеняет яростью; то распяляет вожделением. Все эти способности, заключенные в чувственной части души, искусно умещаются в телесной оболочке. Но очевидно, что человеческий потенциал не исчерпывается лишь ею одной. После телесной смерти душа, словно бережливая хозяйка, оставляет часть способностей действовать силой разума, а другую предает инертности. Если же мысли неудержимо вырываются из области умственной деятельности, где формируется самосознание, то можно предположить, что оно обладает даром их творения, подобно тому, как и другие способности берут в нем свое начало. Однако, в плену материальной реальности, где чувства властвуют над разумом, они кажутся неизменно всесильными. А в ином измерении духовного восприятия их прежняя мощь угасает, ибо в царстве мысли и энергии все чувства преображаются, обретая иное обличие. Позвольте вновь подчеркнуть: в человеческой природе дух, душа и тело неразрывно связаны, словно части одного целого, и рана, нанесенная одной, отзывается болью в другой. Изнаночная сторона человеческой натуры, с ее влечениями и плотскими вожделениями, направила энергию на ложный путь устройства общественного бытия, исказив все грани личности и эмоциональные переживания. Но можно ли считать человека, сотканного из умозрений, противоестественных желаний и истинных чувств, его первозданным «я»? Если в поврежденном естестве зияет пропасть разносторонности и разномыслия, если различие в мышлении и поступках будоражит дремлющие страсти, способные поставить крест на его вечном самосознании.

Глава «Эволюция зла»

Эволюция зла — это процесс постепенного искажения человеческой природы, ведущий к потере связи с Божественным источником и духовной деградации. Когда его изначальная, глубинная суть, пройдя горнило долгого смещения и размножения, рассыпалась на калейдоскоп внутренних и внешних проявлений, родилась несхожесть восприятия мира. Так проявилась дифференция мыслей и сил, сделавшая все зримым и осязаемым в той мере, в какой это позволяло ограниченное, но многогранное сознание, сплетенное из чувственных и мыслительных возможностей. И каждый рождается личностью, неповторимым индивидуумом, чья природа, по самой своей сути, уникальна и выделяется своим внутренним миром. Различие между людьми — предвестие свободы в стремлении к собственной жизни. И по сей день, стремясь к осуществлению задуманного, почти каждый жаждет признания своей точки зрения, отстаивая личные убеждения и добиваясь общественного одобрения. Если послушание первых людей омрачило их духовным неведением, расколело единство души и тела, лишило невинности, то в самой плоти их зародился механизм разрушения, клеточная деформация, уводящая от источника жизни. Смерть, как таковая, — лишь эхо изначальной раны, повреждения сознания, а затем и всей их сущности. Бог, в ожидании их осознанного выбора, ни на миг не оставил их во власти зла. Он, пробуждая голос совести и откликаясь на сердечное раскаяние, неустанно взывает к утраченной гармонии. Наделив человека сознанием и свободой воли, он, конечно, предвидел, сколь велик риск их самоопределения — будь то взлет к небесам или падение в бездну. После грехопадения, когда в душах Адама и Евы разгорелась вражда между плотью и духом, их прежде нерушимая гармония дала трещину, и сама природа клеток изменилась. Увлечшись сладостными грезами и пагубным желанием запретного, они вкусили плод, и, как пишет святитель Димитрий Ростовский, в тот же миг плотская похоть зародилась в их естестве. Страстное вождление опалило их члены, стыд и страх сковали сердца, и они поспешили прикрыть наготу листьями смоковницы. Затем, как повествует Книга Бытия, Господь облек их в кожаные ризы: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их». Святитель Григорий Нисский, толкуя это место, полагал, что кожаные ризы — нечто привнесенное извне, знак смертности, перенесенной на прежде бессмертную природу человека. Казалось, кожаные одеяния отражали пестроту человеческой природы, ее изменчивый фенотип. Но в реальности они не могли быть знаком смерти, ее порождением. И хотя отцы церкви, опираясь на священные тексты, наставляли о грубом, плотском составе человека, истинная причина принятия кожаных риз от Бога, крылась в преобладании телесного над духовным. Не для обуздания порока, не для лишения его возможности разрастаться до неизменного, окостеневшего состояния, но для того, чтобы, узрев на себе мертвую плоть животного естества, люди стремились к избавлению от его участи. Ибо чувственное влечение всегда жаждет приятного и усадительного. Если допустить, что мир вокруг нас не таит в себе злого умысла, что он лишен намерения причинять вред, то и в глубинах человеческого разума не должна гнездиться лишь жажда страданий. Ибо все, сотворенное по Божественному замыслу, все, чему даровано дыхание жизни, несет в себе пользу и благо. Но почему же тогда человек так часто отворачивается от духовности? Если лишь брэнная оболочка подвержена закону тяготения к земному, можно ли утверждать, что она по своей воле устремляется к плотским утехам? Ведь одушевленное тело — лишь инструмент, данный для реализации стремлений духа. И когда тело склоняется к конечному, ограниченному, преходящему, душа оказывается бессильной в поисках истинного удовлетворения. Ибо именно душа — изначальная суть телесной природы. Подобно тому, как дух и душа, в преступном сговоре, санкционировали кончину тела, соблазненные призрачным очарованием материи, так и в единении с телом им надлежит отринуть всякое влечение к соблазнительным уладам, к гибельному великолепию мира. Ко всему, что пленяет их умо-

зрительное внимание, отвлекая от священного сосредоточения на самопознании и познании Бога. Ибо тягостные законы мироздания, в своем сложном и неумолимом движении, способны сковать порыв духа и души к Первоисточнику, к божественной высоте. Однако, внимательно вглядываясь в суть вещей, мы постигаем удивительную истину: грехопадение человечества произошло не под напором плотских искушений, но от порочного воображения, которое, воспламенив желание, толкнуло на нарушение изначальной Божественной заповеди. Лишь отравившись от телесной бесконечности в погоне за запретным плодом конечности, люди отрекаются от воли и любви своего Создателя, пускаясь в самодеятельное плавание. В воспаленном воображении рождаются мерзкие деяния, греховные мечтания и плотские утехы, что в конечном итоге приводят к утрате первозданного образа. Погружаясь в богопротивные пучины, они теряют нить, связующую их с истинным значением бытия и первоосновой всего сущего. Ублажение плоти, безусловно, дарует мгновенную сладость душе, а та, в свою очередь, подталкивает дух в объятия эйфории. Однако не в угоду телесным страстям должно возрастать человеческое сознание, предвкушая возможное родство после разлуки с бранным телом. И только отринув их диктат, человек может обрести подлинное целомудрие духа. Вновь обращаясь к наставлениям отцов христианской Церкви, позволю себе привести слова святителя Григория Богослова, проливающего свет на первородный грех: вместе с разумом и духом, первое прегрешение исказило и плоть человеческую. По мысли святого, тело, служившее покровом и обителью духа в его первозданной чистоте, должно было, по мере восхождения духа к вершинам созерцания, постепенно утончаться. Но грехопадение обернулось огрубением тела, возымевшего власть над духом, увлекая его к земным соблазнам и чувственным наслаждениям. В развитие этой мысли, хотелось бы подробнее раскрыть положение первозданных людей до вкушения ими плода познания добра и зла. Они пребывали в зыбком состоянии выбора, от которого зависело, станет ли их изначальная природа смертной или бессмертной. В самом сердце Эдемского сада, как гласит Книга Бытия, возвышались два дерева, предлагая человечеству выбор между двумя фундаментальными путями. Однако не стоит сводить все к их прямому влиянию на волю людей, полагая, что лишь они были причиной грехопадения или, напротив, благодеяния. Скорее, прежде чем воображение пробудилось, люди, узрев запретный плод, были пленены неведомым знанием, чуждым их невинному интеллекту. Одаренные чувствами, они пали жертвой очарования запретного плода, что свидетельствует о податливости их души и хрупкости телесной оболочки. И здесь возникает вопрос: предшествовала ли телесная организация людей их одухотворенности? Даже если образование тела — лишь искусный синтез природных молекул, вопрос о первичности духа остается открытым. Их души — не просто часть окружающей материи, в них нет и частиц плотного вещества. Ибо самому телу, этой бранный оболочке, чуждо сознание, самобытность — качества, присущие лишь духу. Как я уже говорил, сотворением одушевленной плоти человеку дарована разумная сила жизни, возвышающая его над всем тварным миром. И если ядро духа — сознание, отблеск божественной сущности, то этим он и отличается от души и тела. Если душа — это жизненная энергия, движущая сила плоти, то дух должен владеть этой силой, направлять ее по пути нравственного совершенствования. Как физические силы властно действуют в теле, так и в душе должны бушевать духовные. Нетрудно узреть, что отпадение человека от Перводвигателя бытия обрекло его единую силу духа, души и тела на мучительное дробление. Тогда в нем возникло хаотичное множество разрозненных сил. Их былое созвучие распалось на сонм категорий: внутренних и внешних, возвышенных и низменных, где одни томятся в тени, ожидая своего часа, другие же настойчиво заявляют о себе. И ныне ни одна из этих сил, заключенных в его существе, не может в одиночку, подобно атому в хаосе, устремиться к выполнению предначертанной задачи. Несомненно, если бы это было так, они бы лишь яростно противостояли друг другу. Но при этом, в самом сердце концентрации сознания предустановлен некий механизм рассеивания. Чтобы достичь всеобъемлющего разума, человеческий ум должен возвыситься над чувственными

побуждениями, воспарить в сферы непознанного. Лишь в гармоничном единстве души и тела дух способен постичь всю палитру сил, действующих в мироздании. Стоит заметить, что разум человека обладает двоякой природой: он может впитывать благодатные искры нравственного роста или же поддаться тлетворному влиянию зла, чьи коварные наставления ослабляют бдительность самоанализа. Ибо зло многолико, и одно из его проявлений — физиологическая зависимость, плен повторяющихся действий и жестов, что сковывают движение к подлинному прогрессу. Здесь, полагаю, уместно понять: восприятие физического мира даровано нам чувствами, в коих нет и намека на злобный умысел. И все, что наносит телесный вред, допущено Творцом для закалки духа, для воспитания в человеке трудолюбия и неустанного стремления к познанию. Впрочем, само это познание способно указать на корень зла, таящийся как внутри, так и вовне. Злобная сила, подобно безобразной тени, волей человека проникает в сокровищницу его сознания, направляя его поступки вразрез с внутренними законами. И, словно сгущаясь, эта сила начинает управлять движениями души и тела, безраздельно подчиняя человека власти собственных страстей. Чаще всего людские страсти пробуждаются от дремоты, плененные красотой. Но устоять перед чарами искушения возможно лишь силой самообладания и воздержания. Обретение этой силы начинается с шага за грань опыта, в область истинной веры в незримое высшее благо, что исходит от первоисточника жизни. Воздержанность, словно плодородная почва, подготавливает сознание к естественному состоянию духа, который не только вступает в священный союз с истинным Божеством, но и подчиняет свои помыслы высшей воле. Что же тогда препятствует укреплению веры? Безусловно, это неумение обуздать свои страсти, порожденные искаженным мышлением, склонным к извращению всего благого. В сложившейся ситуации прилично будет ответствовать: как мысли преобразуют поступки, так и через деяния можно достичь преобразования мышления. Но если речь идет о вере как об идее вневременного и внепространственного Божества, то, по общему мнению, она есть дар свыше. Следуя этой логике, вера в Создателя предстает неким энергетическим двигателем естественной трансформации мыслей и воли, изначально заложенной в сознание. Бог словно приводит этот двигатель в действие в определенный момент жизни, предварительно подготавливая человека к чувственному и интеллектуальному соприкосновению с благодатной своей силой, либо, что случается нередко, через встречу с благочестивыми людьми, достигшими глубин духовного убеждения. Тем не менее, вопреки благой вере и высоким идеалам, человек порождает и совершенно противоположные мысли, как правило связанные с пробуждением порочных желаний. В этом случае происходит соприкосновение с силой зла. Подобно тому, как души, близкие по духу и мышлению, притягиваются друг к другу посредством невидимых духовных связей. Идя на поводу у страстей, человек невольно уподобляется тем, кто в большей или меньшей степени служит тьме и беззаконию. Тот же, кто всецело покорился злу, извергает в мир преступные замыслы, отравляя социальную среду и обрекая грядущие поколения на страдания. Помните: противостояние злу — это прежде всего битва с собственной порочной природой. И дабы укрепить в этой борьбе тех, кто встал на путь самоисправления, необходимо собрание единомышленников, объединенных стремлением искоренить всякое зло перед ликом Божественного закона. Как писал святой Климент Александрийский, закон существует для того, чтобы оградить нас от излишеств и беспорядочной жизни. Закон — это порядок, установленный для самодисциплины, маяк, указывающий путь к свету. Немногим ведомо, что в основе всякого человеческого деяния лежат три побудительные силы. Первая — стремление к удовлетворению собственных желаний или чаяний ближнего. Вторая — искушение дьявольским соблазном. И лишь третья — жажда угодить Божественному. Но Бога невозможно прельстить угодливостью. Как источник всех благ, внимающий праведным поступкам, он, в соответствии со степенью духовного развития, вполне горазд оказывать помощь в постепенном воссоединении с собой. Поскольку человек в своей самобытности не ограничен от непосредственного участия Бога. Из этого видно, что даже когда выбор человека направлен на цели, далекие от

Божественного, ему необходимо учитывать проявление или отсутствие Божьей воли. Думая более обширнее, невольно задаешься вопросом: почему Всевышний, наблюдая за суетой человеческих действий, не видит в нас готовности к преобращению? Догадок может быть полно, но лишь одна, кажется, приближается к истине. Глядя в суть происходящего, осознаешь, что Творец словно бы сдерживает нас, даря время для обретения равновесия, для отказа от излишеств и неумеренности. Порой же, наоборот, он позволяет нам увлечься малым, чтобы отвлечь от большего зла, ведущего к гибели. Твердая основа самоконтроля и сдержанности есть первый шаг на пути сопротивления злу, мастерски воздействующему через обманчивые внушения, рождающему страстные помыслы, способные поколебать дух, душу и тело. Нужно резюмировать, что не все помыслы рождаются из глубин души, многие вливаются извне. И если разум не подвергает их тщательному анализу, темная сила присваивает их себе. С самого начала своей борьбы за власть над человеком зло не стремилось к полной изоляции от добра. Поясню: зло являет себя либо в малейшем отклонении от праведного пути, либо в крайнем его извращении. Что же касается окружающей нас природы, в ней нет зла как такового. Даже причиняемый ею ущерб — лишь деформация, следствие утраты изначального порядка, соразмерного состоянию высшей цели. Получается, зло можно определить как зародыш противоположных движений разума и воли существа, наделенного сознанием. С иной точки зрения, человек может эффективнее изгнать проникающее зло, противопоставив ему благодатную силу. Даже отдалившись от Бога и погрузившись в пучину саморазрушения, поддавшись натиску зла, как внутреннему, так и внешнему, не стоит прекращать безотлагательные поиски утраченной связи. Поскольку в самую суть человеческой природы встроены силы, пробуждающие стремление к высшей цели через духовное общение с Творцом. Эти силы, словно дремлющие ростки, пребывают в состоянии анабиоза от рождения. Лишь преобразование мысли способно пробудить их и извлечь из глубин души дремлющий потенциал. Высвобожденные силы, словно потоки, устремленные изнутри наружу, должны слиться в гармоничном союзе с Божественным разумом. Отличительная черта некоторых заключается в том, как дух, ведомый душой, увлекается низменными чувствами к бездушным предметам и веществам, в тщетной попытке утолить неестественную жажду. Но искомое ускользает в конечном, и разумная тварь не может найти насыщения там, где его нет. Тяготение к конечному не приближает к избавлению от порока, ведь страстные желания сохраняются в сознании и после телесной смерти. Патология, умноженная страстями, лишённая физических ощущений, переходит в мучительное состояние, в котором бесконечно терзает изнывание неутоленных удовольствий. Чтобы постичь человеческую природу, положено наблюдать за зарождением родственных ей качеств, в которых проявляется ее внутренняя мощь. Между тем, с течением времени, некоторые из этих качеств словно затухают, лишая человека части его потенциала. Только в гармоничном единстве и полном раскрытии они служат высшим целям. Использование лишь отдельных сил, в пренебрежении к остальным, обрекает сознание на ограниченность и несовершенство. Вся жизнь человека часто влечется к прекрасному и соблазнительному, к тому, что пленяет взор и чувства, дух оказывается под властью чувственной части души, стремящейся к материальной гармонии и красоте.

Глава «Миссия человека»

Человек — не просто плоть, но дух, обретший телесную форму, и как сказано в Библии: «его кровь есть душа плоти», что косвенно указывает на связь телесного и духовного в человеке. Незримый дух, пронизывая каждую клетку его существа, прямо воздействует на тело и управляет им. Когда же сознание, раздробившись, утратило первоначальное единство мысли, свершился переход в искаженное состояние, обрекающее на непрестанную борьбу разделенных сил. Бесспорно, обладая силой предчувствия и предощущения Божественной аутентичности, сознание имеет возможность вновь взойти на ступень главенства над ними. Это происходит тогда, когда, обнаружив эту силу, человек преобразует в себе образ искаженного мышления, подстраиваясь под изменившиеся обстоятельства. Только мой опыт начал шептать о неких силах, гибких и изменчивых, словно хамелеоны, подстраивающихся под каскад внешних реакций и прихотливые течения тенденций. Сила мысли, рожденная духом, намеревается властвовать над внутренним рельефом природы, души и тела. Но важно помнить: кузница всех наших мыслей — это разум, восседающий на троне сознания, в самом сердце духа. Смысл в том, что предназначение человека, ниспосланное свыше, — это вечный энтузиазм к самоперфекции и высочайшему состоянию. Там, где ему более не дано беспечно нежиться в блаженном неведении Эдемского сада. А прежде, когда единый закон преображения сознания всецело властвовал над бытием, человек, в триединстве духа, души и тела, в безмолвной согласии с окружающей природой, был устремлен к Божественной личности и его всемогущей силе. Но после грехопадения, дабы достичь вершины совершенства, где едва уловимо мерцало подобие Божественного Духа, ему надлежало неустанно возделывать свой внутренний мир, еще не до конца поглощенный тьмой, силой веры, в союзе с Богом. Лишь тогда появлялась надежда на восстановление первоначального образа, на его дальнейшее улучшение и восхождение. И здесь я вновь возвращаюсь к прежним раздумиям: душа человеческая не принадлежит миру материи, не является ее физической микрочастицей, но, скорее, предстает словно станция энергетических реакций, заключенная в грубую материальную оболочку. Поэтому едва ли возможно вообразить, чтобы, вкусив вдохновение бесконечной и осознанной жизни, человек обрел полную свободу в самосохранении своего бытия, отринув участие Бога. Если дух человеческий являет себя средоточием воли и сознания, то душу, помимо этого, стоит определить как сущностное восприятие, облеченное плотной материей, чья непрерывность необходима для существования в вещественном мире. И ныне, пребывая в среде, полной опасностей, человек должен, под влиянием окружающей природы и ее преград, зреть благоденствия Божьи, самосовершенствоваться его сверхсилой и утолять жажду его неиссякаемой любовью. Изначально, ощущение повиновения собственной воле и разуму было лишь ступенью к исполнению воли Божественной. Но со временем человек склонился к самородной, в некотором роде иллюзорной жизни без Бога, соблазнившись запретным, но прекрасным на вид плодом. В те первоначальные времена, когда растительный мир был сосредоточен на едином материке, омываемом со всех сторон одним океаном, именно Эдемский сад источал изобилие плодов, дарующих жизнь. Лишь гармония с первоначальной природой могла подготовить человека к борьбе с внутренним злом. Подвергаясь испытаниям враждебных стихий, преодолевая их собственными усилиями, он должен был осознавать это как последствие непослушания Творцу и, в глубине своей души, постигать источник личного зла, которому он сам себя подверг. Так человеческая привязанность к запретному мгновенно похитила дарованную возможность бессмертия. Отведав горечь утраты райского блаженства, человек не только погрузился в созерцание первоначальной природы, утоляя телесные нужды, но и ступил на тропу беспечных поисков ее даров. В самой его сущности, с обретением конечности, ставшей единственным объектом чувственного и зримого мира, зародилось мысленное воображение, рожденное тоской по недостающим образам и неизведанным

тайнам природы. В наблюдаемом окружении он узрел лишь законы ограниченности, брэнности, изменчивости и смертности. И все же, сквозь пелену этих ограничений, проступает ритмичность высокоорганизованной жизни, той, что некогда была воздвигнута из Хаоса в порядок. К вышесказанному осмелюсь добавить следующее. Если абсолютная пустота — полное отсутствие объектов и явлений во Вселенной, то интервал между первородным импульсом и уплотнением первоэнергии предстает замкнутым, девственным пространством. Это подобно аквариуму, еще не наполненному водой. Энергия же, как квинтэссенция движения, силы и действия, и вакуум, как арена сцепления атомов и всех видов энергий, в совокупности порождают вещественную энергию — фундамент материи. Считаю важным также подчеркнуть, что Вселенная — это плод творческого замысла, а не слепая случайность или неизбежный закон природы. Обладая формой спиральной окружности, она опровергает теории о бесконечном расширении и большом взрыве, уводящие нас в лабиринт концептуальных заблуждений. Учитывая изначальную реальность, не дерзко ли будет назвать жизнь нетленной мыслью Бога, сотканной из его сверхмощи? Так предстает перед взором человека дивный лик природы, чье стройное бытие в гармонии мироздания являет собой высший акт Божественной милости. Не подобает приравнивать эту уплотненную энергию к совечности Божеству, но можно осмелиться увидеть в ней бесконечно активную форму жизни, хотя и не безначальную. И посему, она не может быть частью сущности Бога... Божество в своей всесовершенной полноте открывается человеческой природе по мере духовного и нравственного преображения. Ибо задача, поставленная перед человеком в земной школе, — приготовить сознание к единственному содействию Бога, усердно стремясь к слиянию с его ипостасью, что и совершается в глубинах сознания. Божественная сверхсила возвращает и насыщает бесчисленные души, а многообразие форм жизни поддерживается ее благодатным содействием. Ее беспрепятственное проникновение в человеческое сознание возможно лишь тогда, когда человек, движимый искренним расположением, с достоинством открывается навстречу. Отсюда следует, что очищение от скверны происходит через всецелое единение с Богом, требующее неустанного самоконтроля и строгой самодисциплины. Ибо естество человеческое, отчуждаясь от высшего Промысла, погружается в состояние, противоположное блаженству, тем самым обрекая себя на угасание и духовную бесплодность. Воздвигая свою волю на пьедестал высшей ценности, человек в слепоте полностью отвергает Божественный промысел и отеческую заботу о нем, тем самым обрекая себя на вечную погибель. И напротив, духовное возрастание возвышает человеческую природу к полноте внутреннего и внешнего благополучия, неразрывно соединяя его силу и волю с бесконечной Божественной благодатью. Лишь путем аскетического подвига, неустанного самоусовершенствования, достигается благочестивая жизнь. Первый смертный акт, как известно, был порожден грехопадением, но Бог не оставил без внимания возможность этого исхода. Древо познания добра и зла несло в себе незрелость, таило опасность. Но вовсе не оно само по себе, подстрекаемое воображением, породило вначале плотское вожделение, а затем и расстройство человеческой природы. В своей неизреченной премудрости Бог подверг человека испытанию в Эдемском саду, где вечное цветение не знало увядания. Воздвывая райские кущи, человек должен был возрастать в познании и добродетели, хотя плоть его и была сотворена из первозданной материи, не подверженной тлению. Дух же человеческий, богоподобный по своей сути, еще не был отделен от незримой связи с Творцом. Однако одухотворенная энергия души его была ограничена, и сознание, по милости Творца, было ограждено от преждевременной ясности мировосприятия, дабы избежать своевольных суждений о божественных творениях. И даже если вся социальная жизнь человека устремлена к Божественному лику, его скудные умозаключения все равно подвержены опасности. Во-первых, из-за плена стандартного мышления, во-вторых, из-за хрупкости каркаса опыта и знаний. Иными словами, как чувства, так и мысли человека нуждаются в Божественном импульсе. И не стоит удивляться, что для тех, в чьих сердцах нет Бога, Его закон — пустой звук. Им кажется, что нет преграды для сознатель-

ного совершения зла. Их не страшит даже помысел о том, чтобы предложить свою вседозволенность темным силам, которые жаждут подстрекать их к злу. Жизненный опыт показывает, что цель зла — опровержение человеческой духовной этики, и часто оно проявляется в извращенных склонностях. Издревле исток зла зрел как тайна за пеленой непостижимого. Лишь дерзнув отдернуть ее, человек узрит зияющую антитезу, испепеляющую своей мощью. Зло неумолимо влечет к извращению эстетических ориентиров, предопределяя отрицание высшего порядка, забвение и самоизгнание из благодатного мира, изначально человеку уготованного. Искони зло искали вне, не в сердцевине человеческой природы, где и кроется его первооснова, а в горних сферах, среди ангельских сил. Ибо лишь человек, вкусив брэнную власть, испив чашу земной смерти, вознесшись духом до ангельских высот, возревновал к божественному величию. Гордыня и зависть к чадам Божиим зажгли в нем мятежный огонь. Святитель Димитрий Ростовский утверждает, что Ангелы, подобно человеку, сотворены по образу и подобию Божию. Однако, несмотря на общее происхождение, лишь человеку дарован путь метафизической эволюции, восхождения от человеческого к ангельскому, а затем и к божественному состоянию. Равно возможен и обратный путь — падение. Итак, гордый дух увлек за собой сонм себе подобных, и восстал против воинства небесного, приняв облик зверя — дракона. И тогда, в запредельной выси, недоступной человеческому зрению, произошло их изгнание из ангельских сфер. Поднебесье стало для них временным пристанищем. И ныне, взирая на непрестанное умножение людских грехов, они, по попущению Господню, скрываясь в самой сердцевине метафизической реальности, в последний раз пытаются заковать человека в inferнальные цепи, обличая после разлучения духа с телом все грехи его земной жизни. Будто бы преграда на пути восхождения к вечному блаженству, они восстали. Ими двигали гордыня и деспотизм, подтолкнувшие к мятежу против первоангелов, что после изгнания еще сильнее исказило их первоначальный облик. Тогда они стали жертвами собственных порочных помыслов, неутолимо жаждущих самореализации. Священное Писание свидетельствует о духовных созданиях, неразрывно связанных с любовью к Богу. Святой Дионисий Ареопагит учил, что через Ангелов человек познавал мир, получал законы, и еще до закона они возносили его к Божественному. Он же повествует и о чинах ангельских. Подобно тому как сонм святых Херувимов приобщен к премудрости и знанию, так и чин, следующий за ними, также вкушает от источника мудрости, хотя и в меньшей мере. Ибо по сравнению с высшими, их причастие к божественному знанию лишь отчасти уступает. Всем богоподобным созданиям дарована премудрость, но одним она дается в полноте и первоначальной чистоте, другим же — вторично и в меньшем объеме. Духовные и разумные сущности наделены премудростью и знанием, истекающими из наивысшей и всесовершенной премудрости Божьей, благодаря их непрестанному послушанию. Он, в своей бесконечной мудрости, установил каждого в надмирном порядке и чине, соразмерно их силе и мыслительным способностям. Через эту небесную иерархию и передается от Первоисточника премудрость, будь то в великой или малой степени, раскрывая сокровенные тайны, высшие истины и пути восхождения от высшего чина к низшему, подобно лучам света, нисходящим по ступеням мироздания. Приблизившись к постижению иерархии разумных существ в горних обителях, я узрел дивную связь их сил, мыслей и энергий, созвучно расположенных в небесном хоре. Эта гармония определяется мерой просветления, неустанным стремлением к единению с Божественной любовью. По ступеням этой небесной лестницы каждое творение, словно по ступеням света, восходит к единству с Творцом, подражая высшим чинам ангельским. Священное Писание лишь приоткрывает завесу над сокровенной сущностью духовных созданий. Ибо истинные различия их кроются в свойствах неземных, а подлинный облик являет неповторимый характер. Образ каждого духа уникален, соткан из неповторимых очертаний и чувственного содержания, и не может быть уподоблен другому. Следует помнить, что сотворенные духи, сотканые из тончайшей энергии, являют собой дивное разнообразие в ограничениях, устройстве и облике. В отличие от грубой и плотной материи

нашего мира, их сознательная форма жизни поистине уникальна. Вспомним отцов Церкви, уподоблявших природу духов газообразной стихии. В их писаниях справедливо отмечалось наличие у духов тонких тел, названных так по некоему сходству с газом, хотя и отличных от него по своей сути. Несомненно, их энергичные тела являют собой бесплотную форму разумного существования. И все же, необходимо осознать ограниченность этих созданий, их неспособность преодолеть рамки пространства и времени, в которых они заключены. Где лишь Бог возвышается над тканью пространства и времени. Продолжая размышления о природе ангельских духов, чья сущность тоньше плоти человеческой, рискну предположить, что они не скованы единым с нами потоком времени, хотя и действуют в общем пространстве. Однако силы, влекущие их к достижению цели, неизмеримо превосходят возможности человеческого тела. Обусловлено это тонкостью их материи и отсутствием материальной формы, ибо их перемещение в пространстве совершается силой мысли и энергии. И в соответствии с предназначенным положением и чином, каждое духовное существо наделено соответствующими дарами. В каждом из них, осмелюсь сказать, заключен неорганический состав с безграничными возможностями восприятия, а их система познания мира граничит с абсолютным преобладанием над силами человеческими. Что же до падших духов, то их неутолимая жажда противного и неблагопристойного — лишь симптом разъедающего зла, что исказило саму суть их восприимчивости, отравив мысли и чувства. В мучительном признании своего краха, они сами себя обрели на маниакальную одержимость злом, направленную против Творца и всего сущего. Но сие не значит, что злые духи способны до неузнаваемости изменять свой облик, превращаясь в подобие живых существ. Преображение их — лишь игра теней на поверхности, маскарад, не затрагивающий их истинной природы. И человеческому взору они предстают в бесчисленных обличьях, обманчивых и зловещих. По благовому провидению, Бог и сокрыл мир падших духов за пеленой тайны от людских глаз, дабы утаить их устрашающий лик, обезображенный отступничеством от Божественной благодати. Чтобы не нанести непоправимую рану хрупкой человеческой душе, созерцание их отвратительного облика повергло бы смертного в пучину животного ужаса. При одном только виде этих существ его охватила бы ледяная волна безысходности, толкнув в бездну духовного разложения. Начальник зла, словно тень, неотделим от Божественной воли, ибо, как ни парадоксально, само его существование служит высшей цели — испытанию и укреплению человеческого духа. Зная о разрушительной силе зла и его демонических искушениях, Всевышний не позволяет ему бесконечно плести свои коварные сети, отводя человека от окончательной гибели. Человек, чья воля слаба перед чарами злобных духов, становится их беззащитной добычей, подпитывая их извращенную жажду собственными низменными страстями. В этой непрестанной борьбе за личное бытие ему необходимо разумное избирательство и неустанное самопознание. Со дня грехопадения взор его духа отделился от небесных высот, отвернулся от созерцания горнего мира, к которому прежде, до утраты первозданной чистоты, он неудержимо стремился. Погружаясь всем своим сознанием в параллельную вселенную Богомыслия и Боговидения, он, как творение, все же подчиняется закону ограничения, не имеющему четких границ, но всегда существующему.

Глава «Благодать спасения»

Его устремленность должна быть эхом Божественного зова любви и воли, иначе всякое собрание человеческих ценностей обернется химерой и неминуемо приведет к духовному распаду. И подобно тому, как взгляд на реальность — будь то субъективную или объективную — формирует его мировоззрение, так и нравственность его претерпевает изменения. Взирая на человеческое сознание, томящееся в оковах похоти и страстей, Бог предвещает миру явление своего возлюбленного Сына, вскоре ниспосылая его в нашу юдоль скорбей для воплощения. Облекшись в плоть и став человеком, спаситель приступил к своей миссии — исторгнуть человечество из власти тьмы и греховной трясины. Но даже этот подвиг не коснулся сердец тех, кто сознательно отринул его Божественную сущность, отказавшись признать в нем того, кто, придя в мир, учил самоотречению и жертвенности во имя высшей любви. Проповедь Иисуса, нисшедшая с небес как жертвенный гимн спасения, звучала диссонансом с двойственной природой человеческой. Ныне же вернемся к постижению духов, ибо знание сие есть целительный бальзам для души. Оно не только дарует умение различать добро и зло, что неразрывно сплетены с жизнью всего сущего, но и позволяет распознавать их благодатные проявления или зловещие рецидивы, явные и сокрытые под личиной обмана. Явление духов всегда сопровождается видениями или звуками, пробуждающими в человеке чувства, созвучные их природе: трепетный страх или сладостное умиление. И если предстают они в облике человеческом, с подобием рук, ног и прочих частей тела, да не обманет вас видимость, ибо сие лишь тень их истинной формы. Как явствует из наблюдений, не все в их существе созвучно человеческому потенциалу. Убедившись эмпирическим путем в их искусности передавать мысли посредством словесных конструкций, осмелюсь предположить, что дар коммуникации, следует отделить от сложного психофизиологического механизма человеческой речи. Ибо их энергия, пульсирующая в самом естестве, оказывает осязаемое воздействие на структуру материи, высвобождая сокровенную силу. Мудрецы древности утверждали, что разум, как и всякая субстанция, неразрывно связан с вселенским законом единства. И все же, проведя тонкое разграничение духов по характеру и постигнув уникальность их эфирных тел, мы можем уловить и сравнительные черты, принадлежащие к единому источнику силы, и изумиться их исключительности, рождающей неповторимые качества. Если их энергия подчиняется лишь порыву мысли, то и чувства их воспаряют над человеческим разумением. Тогда и природа их духа, заключенного в грубую оболочку, не требует пространных объяснений. Человек же, утратив имманентную невинность, лишился духовного мироощущения, повредив свою телесную природу и умертвив в себе искру Божественного дара. С богословской точки зрения, становится очевидным, что бесплотные духи не стоят на одной ступени с духом человеческим. И воссоединение с Богом требует от человека не только обновленной человечности, но и необходимого обожения, начинающегося с осознания собственной немощи. Но даже в своей трансцендентной выси Бог возгорелся любовью к этому хрупкому подобию Себя. Он вдохнул в него искру божественного пламени, извлек из хаоса первозданных стихий и водрузил на землю, предопределив к Богосыновству. Однако человек, едва ощутив сладость свободы воли, тут же сбился с пути, избрав тернистую тропу самости. И в этом дерзком отступлении от предначертанного Богосыновства он обрек себя на мучительное восхождение к Богоотцовству, к вершинам Бытия, прежде ему неведомым. И чтобы свершилось полное единение, чтобы избавить его от гнетущей тени зла, Бог задумал Боговоплощение — нисхождение в мир, акт наивысшей любви и самопожертвования. В многовековой мантии философских и богословских изысканий, на алтаре священных догматов робко мерцали толкования о первозданной цели нисхождения в мир человеческий второй ипостаси Божества. Среди хоровода гипотез, объясняющих Боговоплощение, туманно проступает истинный лик явления Бога Сына. Причина эта, словно многослойный лабиринт

философских догадок, таит в себе нечто большее, чем просто искупление человеческой природы от пут зла. Ибо не только в этом акте спасения заключена вся глубина божественной любви, побудившей Его явить миру Сына Своего, дабы напомнить человеку об утраченном первообразе. Рождество Христово ознаменовало собой рубеж между античностью и наступлением новой эры. В тот миг, как утверждают раннехристианские писатели, Сын Божий, облаченный в плоть, нисшел во тьму ада, дабы сокрушить его оковы и освободить праведников Ветхого Завета, томившихся в его мрачных объятиях. Святой Ипполит Римский так живописует это событие: «Привратники ада, узрев Тебя, объята были страхом, и врата медные рассыпались в прах, и верей железные пали. И вот, Единородный входит, как душа к душам. Бог — Слово одушевленное, ибо тело Его покоилось во гробе, но не было лишено Божественного присутствия. Даже в глубинах ада Он оставался един с Отцом своим, пребывая одновременно и в теле, и в бездне. «В этом намеке речь идет не о буквальном устройстве ада, но о его метафизическом бытии. Не говорится здесь и об огне, что словно соткан из самой inferнальной материи. Лишь крупницы знаний, затерянные в пыльных хранилищах древних библиотек, повествуют о нем. Попробуем же проникнуть в его глубины мысленно. Внутри этого поля, пронизанного энергией, именуемой «инфернальной», движения страстей человеческих душ многократно усиливаются. Возбуждаясь, они ввергаются в пучину непрестанной муки от осознания утраченных удовольствий. Ибо, без этого огня, их терзания не обрели бы столь жгучую силу. Души, проходя сквозь различные уровни адских мучений, подвергаются огненным испытаниям разной степени интенсивности. Между этими уровнями пролетает бездонная пропасть, и каждый из них предстает как отдельный мир, подобный земному или небесному, но отделенный непроницаемой стеной неведения. Из глубин ангельского света низвергнуты были богоборческие духи, и разум их, извращенный гордыней, восстал против возлюбленного творения Бога. С пылающей ненавистью и жаждой омрачить чистоту человеческой природы, они возжелали разделить с ней духовную смерть, мучительное проклятие самосознания. Дабы осуществить свой злобный замысел, демоны обратили искусство обольщения и порабощения разума в смертоносное оружие. Зная их предсказуемость и коварство, Бог заточил их в огненные недра Солнца, превратив звезду в мрачный мирок. Вопреки античным представлениям о подземном царстве, именно там, в клокочущем пекле, они обрели свой удел. Ибо ад, подобно материальному миру, имеет свои границы. Посему, когда число падших духов в солнечной геенне возрастает, происходят не просто физические процессы, но рождаются колоссальные взрывные реакции. Погрязнув в трясине безнравственности, они пробудили неутолимого червя, чье лицо — лик грызущей совести — терзает сознание, обреченное на муки ада. Там, где разгоряченные страсти пылают неугасимым карательным огнем, ввергая в пучину невообразимых страданий. Этот огонь двоятся, расщепляясь на вещественное и духовное начала: одно опалает чувства, другое — сознание, неразрывно связанное с мыслью. И если разум человека не расцветает при земной жизни, он остается в плену своих страстей, которые после смерти тела возгораются, превращаясь в вечно тлеющий уголь, предвещающий близкую гибель мира. Но если учитывать чисто физическую гибель, то будет преждевременно утверждать о неизбежности гипотезы тепловой смерти всей Вселенной. Поскольку сама структура мироздания, как я ранее отмечал, скорее напоминает спираль, в которой космические тела движутся по закрученным траекториям, то сходящимся, то расходящимся. Это открывает зыбкую, но интригующую перспективу грядущего сближения всех объектов с центром, подобным Солнцу. Здесь возникает явное противоречие с общепринятой теорией Большого взрыва, породившего Вселенную. Однако, на мой взгляд, астрономические наблюдения не столь однозначно свидетельствуют о стремительном разбегании галактик. Более того, гипотеза расширения Вселенной, лежащая в основе теории Большого взрыва, вызывает сомнения, поскольку предполагает в прошлом ее чрезвычайно малый объем, что представляется весьма спорным. Она явно акцентирует внимание на пространстве и времени, ощутивших свое рождение в момент достижения ею наивысшей плотности. Тогда

в моем воображении возник резиновый шарик, жадно вбирающий воздух и раздувающийся до предела. Но если следовать этой аналогии, то Вселенная предстает не бесконечной, ведь шарик, лопнув от переизбытка, обратит свое внутреннее пространство в ничто. И это в то время, как последние теории пытаются объяснить нам старт Вселенной через эмерджентность массивности и оглушительный Большой взрыв. Однако истина, как всегда, ускользает. Как оказалось, не зря именно образ шарика запечатлелся в моем разуме как прообраз Вселенной. Если представить ее пульсирующей, то можно говорить лишь о бесконечных процессах пульсации, происходящих внутри ее космических объектов. И если Вселенная непрерывно проходит через циклы расширения и сжатия, то ее пространство, вероятно, ограничено некоей линией расширения, что делает саму идею бесконечности бессмысленной при любом теоретическом построении. Но, как известно, пока что у нас есть лишь две основные теории: стационарная и пульсирующая. Итак, остановившись на мрачном описании Ада — обители падших духов, некогда ражденных людьми и ныне несущих бремя злой иерархии, я намеренно обратил свой взор к гипотезам о начатии Вселенной. В этом заключалась насущная необходимость — вывести читателя за границы привычных научных представлений, где наше Солнце предстает одиноким исполином, а за пределами спиральных галактик простирается лишь небытие. Ядерный синтез, пылающий в недрах светила, — это отголосок огненных уровней Ада, но не как изъясн, а как промысел Творца, наделившего Солнце этой энергией, чтобы оно, в свою очередь, даровало жизнь Земле. Все процессы, происходящие в его сердце, метафизически обусловлены, ибо лежат за пределами физических законов. Как и во всем сущем, они пронизаны незримой, метафизической нитью. Дабы вы не блуждали в потемках неведения, позвольте мне подвести вас к озарению: глубинные процессы человеческой личности дивно созвучны законам мироздания. Как прозорливо писал религиозный и политический философ Николай Бердяев: «человек есть микрокосм». Вселенная в миниатюре, заключающая в себе все сущее. Исток этого утверждения сокрыт в самой сердцевине человеческого сознания, несмотря на многообразие толкований о природе души. Осмелюсь сказать: сознание — это метафизический мегамозг, а душа — его энергетическая эманация, движущая сила, посредством которой сознание манифестирует себя, растет и крепнет, питаясь соками чувственного и мысленного познания себя и окружающего мира. В отличие от иных творений, человеку недостаточно просто осознать свою субъективную вину, притаившуюся в темных уголках души. На протяжении всей истории социального самопознания его преследовал мучительный вопрос: что есть грех и каковы его корни? Говоря языком древних эллинов, грех — это отступление от божественного. Но если вдуматься глубже, то в пучину греха нас повергают не страсти и вожделения сами по себе, а их неумеренность, непотребная одержимость. И вспоминая слова Сына Божьего о том, что оскверняет человека не то, что входит в уста, но то, что исходит из них, мы невольно приходим к неотвратимому выводу о подлинном источнике первородного греха. Что глубоко въелось в человеческую душу? Когда безудержная, безмерная страсть затягивает человека в водоворот противоестественных, преступных деяний, повинующихся демонической воле, — это первый шаг отступничества от своего Создателя. Но даже в полном отрыве от источника жизни невозможно достичь абсолютного небытия, раствориться в бесследном исчезновении. И вот сознание, подвергшееся разложению личности, неизбежно сливается с себе подобными до окончания материального мира, а затем присоединяется к частицам атома, чья научная природа не раскрывает его метафизической сущности. Атом, некогда ложно истолкованный наукой, по-прежнему окутан пеленой тайны, несмотря на свою всепроникающую сущность. Ныне мало кто видит в нем лишь частицу сгущенной энергии. Все сущее — плод химических связей и компрессии, сотканный из плотного сплетения, структуры и соединения атомов. Но если мысленно вернуться к описанию Большого взрыва, этой гипотетической колыбели мироздания, то уместнее будет отнести его не к началу, а к апогею физического мира, к преображению всех его форм и проявлений. Несомненно, в архитектуру мироздания, в создание неповторимых

объектов, вложена божественная сверхэнергия, проявляющаяся в четкой иерархии микро- и макрочастиц. Более того, в сферу влияния этой сверхэнергии вовлечены и феномены квантовой физики: излучение, давление, отражение, сжатие, аккумуляция, движение, расширение и соединение. Отсюда закономерно вытекает причина спиралевидной формы Вселенной: она предопределена грядущим столкновением колоссальных космических тел с Солнцем, что с фатальной неизбежностью приведет к взрыву вселенского масштаба, к химическому распаду. Иными словами, мироздание однажды подвергнется испытанию преобразованием, воспарив в иное энергетическое состояние, отринув враждебные силы и оковы физического мира, влекущие к забвению и распаду, — к законам термодинамики. Но возможна ли подобная метаморфоза и для брэнной плоти человека? Вспомним пророческое видение Иезекииля: когда пророк, ведомый Духом, очутился в долине, усеянной иссохшими костями, он спросил Всевышнего: «Оживут ли кости сии?» И глас Господень ответил: «Вот, я введу дух в вас, и оживете, и обложу вас жилами, выращу на вас плоть и покрою вас кожей, и узнаете, что я Иегова». Хотя это пророчество и было обращено ко всему дому Израилеву, не будет ли разумным предположить, что Всемогущий способен воскресить из мертвых всякую плоть, дабы каждый человек предстал пред его судом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.